

Александр Есеев

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Рассказы

Александр Есеев
Следы на песке. Рассказы

«Издательские решения»

Есеев А.

Следы на песке. Рассказы / А. Есеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967805-8

В сборнике рассказов «Следы на песке» собрано несколько работ, затрагивающих совершенно разнообразные стороны человеческой жизни... Любовь, дружбу, познание, счастье, ненависть... Кто-то стремится к чему-то, а кто-то наоборот. Кому-то достаточно небольшого усилия, и фортуна сама стучится в его двери, а где-то этого стука не дождутся никогда...

ISBN 978-5-44-967805-8

© Есеев А.
© Издательские решения

Содержание

В ожидании	6
Дождь	11
Запах рельс	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Следы на песке

Рассказы

Александр Есеев

© Александр Есеев, 2019

ISBN 978-5-4496-7805-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ожидании

На протяжении многих лет, спустя несколько дней после Нового года, я по традиции, собрав немногочисленные пожитки, садился в поезд и пол пути петляя по старым, на половину утонувшим в сером грунте рельсам, через сутки приезжал в Чайковский. Широкая, покрытая девственно белым снегом равнина, отражая пробивающееся через тонкую пелену облаков солнце, слепила всех и каждого, понуро сидящего возле окна поезда, неспешно плывущего вдоль Камы, разрезающей унылую степь.

Обычно я брал верхнюю полку в купе, укладывал тонкий чемодан в ноги, и забравшись на верх, весь путь созерцал проплывающее мимо разнообразие русской природы. С соседями, которые, как правило, присутствовали в купе всегда, я практически не разговаривал. Лично мне хватало нескольких слов, причем два из которых обязательно были «Здравствуйте» и «До свидания». Разговоры, которые велись между теми, кто не по своей воле составлял мне компанию, меня также не интересовали. Этот год не стал исключением. Прощатавшись пару дней по своему городу, на третий, я оказался на вокзале, держа в руках, купленный заранее билет. Войдя в купе, и поняв, что либо в этот раз я поеду один, либо просто попутчики еще не успели занять свои места, я ловко закинул чемодан на полку, и как обычно толком не раздеваясь, взгромоздился на свое законное место. До отправления поезда оставалось совсем немного, а в купе так никто не входил. На горизонте замаячила радостная мысль, что может хоть в этот раз, по крайней мере до ближайшей остановки, я окажусь в одиночестве. Что может быть прекраснее, чем лежать в теплых штанах с байковой подкладкой, на белого цвета простыне верхней полки купейного вагона, и абсолютно беспричинно вглядываться в даль. В тот момент мне казалось, что ничего. Так уж бывает. Порой самые нелепые вещи, могут показаться человеку жизненно необходимыми.

К моему большому разочарованию, буквально за несколько секунд до отправления состава, дверь в купе с грохотом распахнулась и в него друг за другом ввалились три человека. Внутри меня все опустилось. Малая надежда на вероятное уединение, которая до момента открытия двери в купе, имела все шансы разгореться до внушительных размеров, рассыпалась в одну секунду. Мне показалось, что мои попутчики не сразу заметили, моего присутствия. Поначалу можно было подумать, что это трое друзей, которые давно знают друг друга, уж больно оживленно они что-то обсуждали. Лишь спустя некоторое время, когда они распахали свои многочисленные чемоданы и сумки по углам и уселись на нижние полки друг напротив друга, я понял, что раньше никто из них не знал своего соседа. Не отрываясь от какого-то бурного обсуждения, явно вызванного случаем, судя по всему произошедшим только что на перроне, параллельно мужчины пожимали друг другу руки и знакомились. Прошло еще несколько минут, прежде чем они заметили мое присутствие. Один из пассажиров подергал меня за ногу, так как в момент их прихода, я притворился спящим. Пришлось открыть глаза и сделать удивленное лицо.

– Быстро же вы погрузились в истинное состояние настоящего путешественника. – продолжая потрясывать меня за ногу, сказал рослый, улыбчивый мужчина, в очках с толстой оправой.

Будучи не особо словоохотливым, я лишь немного улыбнулся и протянул руку своему соседу.

– Борис, – представился мужчина, параллельно тряхнув меня за руку.

Я кивнул головой ему и всем остальным. Видимо, сразу раскусив тот факт, что собеседник из меня вряд ли получится, мои соседи снова увлеклись своим разговором.

Поезд тронулся. Спустя некоторое количество времени, я сквозь дрем услышал, как зазвенели стаканы, и запахло холодной домашней едой, а еще через некоторое время, как

обычно бывает в таких случаях, завязалась характерная для подобной обстановки беседа. Мои попутчики обсуждали разные темы – политику, переходя на шепот, дела семейные, которые временами приводили их в бурный восторг, и многое другое. Постепенно убаюкивающий стук колес становился все тише, а голоса соседей глуше. Так что не прошло и получаса, как я погрузился в крепкий сон, после на который после появления соседей даже не рассчитывал.

Как долго я проспал под чарующий шум колес сказать сложно, по той простой причине, что, когда я открыл глаза, купе все еще было озарено дневным светом. По-прежнему изображая спящего, я медленно перевернулся на правый бок, чтобы сквозь прищуренные глаза посмотреть, что происходит внизу. Двое из трех попутчиков сидели друг напротив друга, а еще один, тот самый Борис, судя по всему, вышел. Оба мужчины, синхронно облокотившись локтями на столик, молча вглядывались в окно, абсолютно не замечая моих движений. Приоткрыв глаз чуть шире, я стал наблюдать за ними. За время моего сна лица их заметно покраснелись, взгляд расплылся, а в тесном купе, вперемешку с тем самым запахом еды, существенно преобладавая, стоял едкий «аромат» спирта. Не вооруженным взглядом можно было понять, что мои попутчики успели изрядно выпить.

Через секунду раздвижная дверь в купе с грохотом открылась, и на пороге появился третий. Раздетый на половину, а точнее сказать с голым торсом, Борис ввалился в купе, и сделав широкий шаг, плюхнулся на нижнюю полку. Собеседники, заметно утратившие координацию, медленно развернулись к своему соседу. Один из мужчин похлопал Бориса по плечу, в то время, как второй медленно разливал содержимое полупустой бутылки по рюмкам.

– Ну, так вот, – продолжал мужчина, сидящий рядом, – ничего вы не смылите молодые люди в зимней рыбалке. Ровным счетом ничего!

Борис косо улыбнулся, облокотившись на стенку. После того, как рюмки были наполнены, трое «друзей» чокнулись и осушили «бокалы». Затем все тот же мужчина, рассуждавший о рыбалке, продолжил свои нравоучения. Он вещал о разновидностях снастей, блесен, лесок и прочей атрибутики рыболова. Второй мужчина, сидевший напротив за столом, казалось внимательно его слушал, несмотря на очевидно потерянный взгляд. Третий же, Борис, напротив, был погружен в свои мысли и невооруженным взглядом было видно, что его мысли находились где-то совершенно в другом месте. Неожиданно рыбак резко прервал свой рассказ, видимо уловив, что один из собеседников хоть и слушает его, но явно ничего не понимает, а второй и вовсе абсолютно безучастен.

– Ну, а ты Борис куда направляешься? – спросил рыбовод.

Борис не сразу откликнулся на вопрос соседа. Судя по всему его мысли, несмотря на количество выпитого, достаточно далеко унесли его разум.

– Эй! – снова окликнул его сосед, – Куда едешь, если не секрет конечно?

Борис, как будто показательно тряхнул головой, словно возвращаясь с небес на землю.

– Я?

– Ты, ты. – подхватил второй.

– Я... – Борис выдержал небольшую паузу, – Я еду на похороны.

Собеседники сделали удивленные лица, как будто услышав что-то невероятное.

– На похороны? – переспросил рыбак.

– Да, на похороны.

Лица двух мужчин, сидевших друг напротив друга, изменились еще сильнее. Один из них сделал выражение, словно хотел что-то спросить. Борис, видимо, уловив молчаливое желание своего собеседника, не дожидаясь вопроса ответил:

– К брату, к брату...

– К брату? К родному? – сразу же спросил рыбак.

– Да, к родному. – пояснил Борис протягивая руку, к рюмке, которую только что наполнил второй мужчина.

– А... Что с ним случилось? – не унимался рыбак, подхватывая свою рюмку.

Борис резким движением осушил рюмку, затем взял со стола уже откусанную картофелину, и на несколько секунд приложив ее к носу, сделал глубокий вдох.

– С ним? – переспросил он, словно намеренно оттягивая ответ, – Да, собственно ничего, если не брать во внимание, что он просто приснился моей жене.

Теперь удивленные лица соседей сделались совсем растерянными.

– Приснился жене? – заплетающимся языком задал вопрос второй мужчина.

– Да, – сухо ответил Борис, показывая взглядом рыбаку, чтобы тот наливал еще.

– Приснился, а через несколько дней мне сообщили, что он скоропостижно, – Борис щелкнул пальцами, – того.

– Так это, наверное, совпадение? – сказал рыбак, протягивая Борису рюмку.

– И я бы так подумал, – продолжал Борис, – если бы не один случай месяцем ранее.

– А что? – буркнул второй.

– Да ничего, – очередная стопка скользнула в Бориса, – ее младший братишка, провалился под лед на реке.

Второй выпучил глаза глядя на него.

– Хочешь спросить – что? – тон Бориса становился раздраженным, – И все.

Мужчина перевел взгляд на рюмку, а затем трясущейся рукой поднес ее ко рту.

– Ну, не знаю, – подхватил рыбак, – это ничего не доказывает.

– У нас была собака, – резко перебил его Борис, – прожила с нами много лет, очень много. Так вот, как-то летом мне жена рассказала, что ей приснилось, как она гуляет с Каратом, по каким-то неизвестным улицам и не может найти дорогу домой. Я понимаю, это сон, обычный человеческий сон, но все же. Мой пёс мог найти дорогу домой когда угодно и где угодно. Проверено и не раз.

– Так сон же. – вставил рыбак.

– Ага. Утром я нашел его за сараем. Тогда я подумал, что его просто отравили, есть доброжелатели, но, потом, когда это случилось с ее братом, и она мне рассказала, что и он имел неосторожность присниться ей несколькими ночами ранее, я призадумался. А спустя еще некоторое время, жена рассказала и про моего брата. После этого, я напрягся по-настоящему. Точнее сказать – где-то в подсознании я стал ожидать известий. Сами понимаете каких, и они не заставили себя долго ждать. Ну, а теперь я в поезде. – Борис нервно оглянулся по сторонам.

Он глубоко и тяжело вздохнул. Я лежал на полке словно замороженный. Поначалу рассказ моего попутчика казался мне нелепым, может даже забавным, но теперь я смотрел на этого крупного мужчину, и абсолютно не понимал, что мне думать. Они выпили еще по несколько рюмок, откупорив очередную бутылку, прежде чем Борис пригласил рыбака выкурить по папироске. Все это происходило в полной тишине. Никто не говорил ни слова. Когда он встал в полный рост, я резко закрыл глаза, чтобы не выдать свое бодрствование, а после того, как они вышли, я развернулся к стене и погрузился в свои мысли. Одинокий, полусонный, шатающийся даже в сидячем положении попутчик меня не интересовал.

Минут через десять они вернулись и больше ни о чем не говорили. Так как я лежал лицом к стене, я не видел, что происходило в купе. Некоторое время еще слышались какие-то копошения, а затем все затихло. Слышался лишь стук колес, то немного ускоряющийся, то наоборот. Постепенно я снова начал погружаться в сон, как вдруг дверь в купе со скрипом распахнулась, и громкий поставленный голос проводницы возвестил о приближении станции.

– Подъезжаем уважаемый!

В ответ ничего не послышалось. Видимо, тот, кому адресовалось это обращение, все-таки уснул. Да собственно и не удивительно, под таким количеством допинга.

– Станция через десять минут! – немного громче провозгласила проводница, – Эй!

Затем она, видимо, подергала одного из пассажиров за какую-то часть тела, чтобы привести его в чувства.

– Десять минут! – снова добавила она прежде, чем удалиться из купе.

Через несколько секунд внизу снова начались негромкие движения. Не открывая глаз, я будто во сне, снова перевернулся на другой бок, чтобы сквозь прищур увидеть что происходит в купе. С заспанным, опухшим лицом, Борис укладывал какие-то вещи в раскрытый чемодан. Затем накинув мятый пиджак, а сверху и пальто, он взял в руку чемодан и подошел к спящему рыбаку. Достаточно быстро растолкав его, он громким голосом отчеканил:

– Ну, все, я пошел!

Рыбак нехотя оторвав голову от подушки, с трудом приоткрыл один глаз, и не сразу поняв где он находится, медленно принял сидячее положение.

– Пойдем, я тебя провожу. – натягивая ботинки прохрипел он.

Через полминуты я опять остался наедине со вторым соседом. Он лежал на нижней полке прямо подо мной, издавая звуки больше похожие не на храп, а грустные рычания умирающего животного.

Поезд постепенно все больше и больше сбавлял ход. Немного приподняв голову, за серым, забрызганным каплями дождя стеклом, я увидел узкий перрон, на котором практически не было людей. Может это было вызвано дождем, а может подобное являлось привычным для этой платформы. Спустя несколько минут, поезд остановился совсем, резко издав громкий звук стравливаемого воздуха. Двигатели состава резко зашумели, не давая тишине овладеть пространством. Сквозь шум крутящихся валов и шестерней паровозных механизмов, где-то отдаленно были слышны возгласы людей, вероятно, кого-то встречающих или наоборот провожавших.

Стоянка поезда оказалось совсем недолгой. Буквально через несколько минут, состав снова громко фыркнул, и после ошутимого удара закрывшихся дверей, резко дернувшись, потащился дальше. Вскоре дверь опять распахнулась и рыбак, уже с более ясным взглядом, видимо после бодрящего свежего воздуха одинокой платформы, зашел в купе. Медленно присев за стол, он несколько минут молча смотрел в окно, за которым уже успели появиться широкие кусты орешника, по мере движения поезда постепенно перераставшие в сначала в унылые тополя, а затем и вовсе в густую стену плотно стоящих деревьев.

Спустя еще некоторое время рыбак откупорил недопитую бутылку, и налив себе целую рюмку, одним махом опрокинул ее в себя. В течение последующих десяти минут он еще несколько раз повторил эту процедуру, прежде, чем решил разбудить своего попутчика.

Медленно пересев к нему на полку, он несколько раз дернул его за плечо, после чего второй медленно пришел в чувства.

– Знаешь, что я думаю по этому поводу, – резко начал рыбак, – как только второй мужчина открыл очумелые глаза, – он едет не на похороны к брату, – сделав небольшую паузу, он снова посмотрел в серое окно, – в первую очередь, этот детина бежит от своей жены, – рыбак перевел взгляд на соседа, – И его можно понять...

* * *

К вечеру, я по-английски вышел из купе на своей станции. У меня не было абсолютно никакого желания прощаться со своими спящими соседями. Все время после того, как Борис покинул наше купе, я как не старался так и не смог уснуть. Все услышанное не давало мне покоя. Я упорно не хотел верить во все то, что поведал случайный попутчик. Практически убедив себя в том, что вся эта история либо полностью выдуманная, либо просто череда трагических совпадений, я стал вглядываться в толпу приближающихся людей, выходящую из здания старого вокзала, в поисках своей знакомой, по традиции встречающей меня с поезда.

Вдруг сзади кто-то закрыл мне глаза руками, и звонким голосом возвестил уже знакомый в этом случае вопрос:

– Угадай, кто?

Поставив чемодан на землю, я развернулся и как обычно, по-дружески обнял ее за талию.

– Ууу... – выдавила она, – Что-то ты неважно выглядишь, да и не брит к тому же. На тебя не похоже.

– Да уж.. – ответил я, – в этот раз не повезло с попутчиками, галдели всю дорогу не переставая.

– Ну, ничего. Сейчас приедем домой, отдохнешь. Тебе обязательно нужно несколько часов вздремнуть. Кстати, – она резко улыбнулась, – только не смейся, но ты мне сегодня приснился...

Дождь

Весь день шел проливной дождь. Собственно, как и несколько предыдущих. Несмотря на то, что выходные в связи с этим были безвозвратно испорчены, здесь наверное можно было найти и положительные моменты. Наконец всю беспощадную и удушающую пыль, которая успела накопиться на улицах в период убийственного зноя, намертво прибило к земле. Листва на деревьях стала ярко-зеленого цвета, и всё вокруг задышало. Стволы деревьев качались из стороны в сторону, как будто и не пытаясь сопротивляться порыву ветра, а даже наоборот, абсолютно осознанно отдавались в его объятия. Природа возвращалась к жизни и ликовала. По-другому и не скажешь.

Саша стояла у окна и смотрела на все происходящее. «Безусловно, дождь конечно нужен был, но не такой же» – думала она, – «Ну зарядил бы на пару часов, и этого вполне хватило». «Так вот ждёшь выходных, надеешься, а в итоге происходит то, что происходит». Хотя в этот раз это не было особой неожиданностью, так как дождь начался еще за пару дней до выходных. Так что оставалось надеется, что до тех самых выходных он всё-таки закончиться. Но как было уже сказано – увы. Только Сашину маму, как всегда мало, что могло остановить. Никакая непогода, а уж тем более дождь, не могли помешать ее поездке на дачу. Естественно она звала с собой и Сашу, но та отказалась, и что более естественно, ссылаясь на дождь. Но, как оказалось, на это были другие, более веские причины. Еще накануне, Саша с подругами договаривалась провести эти выходные более продуктивно. Погулять, сходить в кафе, может куда-то еще, одним словом отдохнуть после рабочей недели. Как-никак, но вероятность того, что дождь прекратиться, все-таки была. Но когда стало понятно, что дождь явно будет лить и все выходные напролет, то было принято коллективное заключение, отложить посиделки, как минимум на неделю. Саша была единственной, кто пытался этому воспротивиться. Но то ли она сама, а может ее доводы, были настолько неубедительны, что все-таки общее решение было не в ее пользу – до следующих выходных и точка. Саша начала даже немного жалеть, что не поехала с мамой на дачу. Приятного конечно мало, но хоть что-то.

Первый выходной прошел достаточно быстро. Некоторое время ушло что бы собрать, а потом и проводить маму на дачу. Еще некоторое, было потрачено на последние уговоры своих подруг, все-таки изменить свое мнение касаясь прогулок. Но увы – это было тщетно. После этого Саша злилась и нервничала, потом наступил вечер, а вслед за ним и ночь. Она лежала в кровати и думала – «Хоть лягу спать пораньше, может даже и высплюсь». Одним словом, несмотря ни на что, Саша пыталась во всем происходящем, найти положительные для себе моменты.

На второй день, как только Саша проснулась, она сразу же стала слушать, не кончился ли дождь. Сначала ей именно так и показалось. Но спустя минуту, прислушавшись еще раз, она четко почувствовала, как тяжелые капли бьют об оконные карнизы и надо сказать довольно интенсивно. «Все еще льет» – подумала Саша.

По этой причине, было решено, еще какое-то время поваляться под теплым одеялом. Но это продолжалось недолго. Видимо причиной этому было то, что опять же из-за этого проклятого дождя, вчера пришлось лечь спать пораньше. Но опять же, как уже было сказано, везде нужно искать позитивные стороны. Так сделала и Саша – «Зато получилось выспаться».

Прослонявшись всю первую половину второго выходного дня из угла в угол, Саша все-таки решила выйти на улицу, к тому же это было необходимо. В скором времени должна была вернуться мама, и к ее приезду хотелось приготовить ужин. А в свою очередь для этого, как не крути, надо идти в магазин. Саша не спеша собралась, надела плащ, который ей очень не нравился, резиновые сапоги, взяла в руки большой зонт и вышла из квартиры.

Когда Саша вышла из подъезда, на первый взгляд все действительно показалось крайне унылым и крайне мокрым. Но спустя какое-то время, Саше показалось, что ситуация не так уж и плоха. «Ну дождь, ну и что? В конце концов мы не сахарные. Да и особо не холодно, все-таки август на дворе, а не какой-нибудь там январь». Саша начала понимать, что эти выходные вполне можно было провести и по-другому. Можно было – естественно звучало это уже в прошедшем времени. Но и здесь она нашла некую выгоду для себя, пусть и на будущее. Саша дала себе слово, что больше никакая погода, не сможет повлиять на ее планы, хоть потоп. В эти дни было почти так, за выходные выпало столько осадков, что по улицам можно было плыть, хочешь брасом или кролем, а хочешь на любом плавучем аппарате. Саша забежала в гастроном, набрала там всякой всячины для ужина и просто всякой ерунды. Когда все покупки были разложены по пакетам, ноша оказалась довольно весома. До дома было не так далеко, но все же. А уж тем более если учитывать погодные условия, то добираться домой было достаточно проблематично. Саша собрала зонт, надела на голову капюшон, взяла в каждую из рук по пакету и двинулась в обратный путь. Оказалось, что так тоже можно передвигаться. Единственное, что смущало, так это то, что приходилось смотреть четко перед ногами. Потому как иначе в лицо начинал бить дождь, а это было не только неприятно, но и больно.

Саша прошла уже несколько кварталов. Оставалось перейти дорогу, повернуть в арку и все. Подойдя к дороге, она посмотрела по сторонам – машин не было. Дойдя до середины проезжей части, она оглянулась еще раз. С правой стороны, на некоторой отдаленности появился автомобиль. «Надо ускориться» – подумала Саша. Чуть прибавив ходу, она добежала до конца проезжей части. Перед тротуаром была большая лужа. Обойти ее не представлялось возможным, так как размеры ее были действительно очень внушительные. Спокойствие внушали резиновые сапоги, поэтому Саша с легкостью ступила одной ногой в лужу, что бы второй оказаться на тротуаре. Но тут опорная нога поехала, так как под ней оказался какой-то камень или что —то подобное, и Саша потеряв равновесие, не выпуская пакеты из рук, рухнула в лужу.

Падение было достаточно болезненным. Во всяком случае так наверняка подумали все не многочисленные окружающие. После падения Саша громко вскрикнула, может от боли, а может просто от испуга. Естественно многие прохожие остановились, но на удивление никто не бросился ей на помощь. Вот такая вот правда жизни. Пакеты с продуктами так же лежали в луже. Капюшон с головы слетел, так что теперь дождь бил не только по лицу и волосам, но и затекал за шиворот. От всей этой ситуации, у Саши внутри разыграло чувство обиды, подогреваемое разрастающейся беспомощностью. И как результат, Саша начала плакать. Потопом это естественно не грозило, так как он уже имел место быть. Для того, что бы встать на ноги, нужно было бросить пакеты, а делать этого не хотелось, вдруг все-таки что-то из содержимого удастся спасти. Так что Саша просто закрыла глаза и продолжала плакать.

Вдруг она почувствовала, что кто-то взял ее за руку. Она открыла заплаканные глаза. Перед ней в луже стоял молодой человек, аккуратно взяв ее за руку. Он ловко взял в одну руку оба пакета и вытащил их из воды. Другой рукой он потянул Сашу на себя, так что бы ей было легче встать, что она собственно и сделала.

Молодой человек, среднего роста, крепкий, с вытянутыми скулами и как ей показалось на первый взгляд, с широкими карими глазами.

– Ушиблись? – спокойным голосом спросил тот.

Слезы перестали течь сами собой, все вокруг остановилось, на секунду даже показалось, что и дождь прекратился.

– Да. Точнее практически нет. Так ерунда. – Саша пыталась говорить связно, но у нее это плохо получалось. – Совсем чуть-чуть.

Саша лукавила. Ударилась она очень даже здорово. Коленки горели, а боль усиливалась.

– Ну ка, дайте я посмотрю. – сказал молодой человек и нагнулся, что бы лучше разглядеть Сашины коленки.

– Что вы, что вы, – Саша стала возражать – делая попытки вернуть своего собеседника в вертикальное состояние.

– О... – да тут серьезная травма, – с тёплой улыбкой на лице, проговорил молодой человек, – рану надо срочно обработать.

Саша посмотрела на свои ноги. На правой, колготки были порваны и даже сочилась кровь. Как не крути, а молодой человек был прав. Рану требовалось обработать. Она вышла из лужи, хотя этого можно было не делать. Воды в сапоги натекло уже прилично. Саша хотела было забрать пакеты у своего собеседника и двинуться домой, но не тут -то было.

– Нет, что вы? С вашей травмой противопоказанно носить тяжести, давайте я вас провожу? – убедительно, но с улыбкой, сказал молодой человек.

– Спасибо конечно, но я и сама могу, правда. – Саша смотрела на него с широко открытыми глазами.

– Нет и еще раз нет. И не спорьте со мной, а показывайте лучше дорогу.

Ей ничего другого не оставалось, как подчиниться своему провожатому.

Они шли рядом. Молчали. Саша была мокрой с ног до головы, в буквальном смысле. Может в другой ситуации она бы и предала этому какое-то значение, но сейчас, вода отходила на второй план. Искося поглядывая на своего спасителя, Саша невольно стала оценивать его внешность. Скулы были действительно вытянуты, густые черные волосы, прямая спина. Одним словом Сашин спаситель был достаточно хорош собой.

– Вы далеко живете? – продолжал разговор молодой человек.

– Нет. Тут рядом, а вы боитесь, что меня придется долго провожать? – Саша смотрела на своего собеседника.

Он улыбнулся.

– Вы извините, я наверное что-то не то сказала? – не сводя глаз с молодого человека, спросила Саша.

Он продолжал улыбаться.

– Даже не знаю, что бы я без вас делала. – не унималась Саша.

Улыбка не сходила с его лица. Крайне не навязчивая, может быть даже легкая улыбка. Но ее все равно хватало, для того что бы оставить на его щеках, небольшие ямки. Ручьи дождя, стекающие с его головы, на щеках соединялись в небольшие потоки, для того что бы исчезнуть под воротником куртки. Глаза действительно оказались карими. Большие и добрые карие глаза, в сочетании с той самой улыбкой медленно, но верно повергали Сашу в состояние растерянности. Она начала чувствовать, что за эти считанные минуты, которые прошли с момента их встречи, молодой человек становится ей симпатичен, и даже очень. Через несколько минут они стояли около ее подъезда.

– Здесь я живу. – промолвила Саша.

– Действительно рядом, как вы и говорили, а уж было стал волноваться. – ответил он, передавая пакеты с продуктами ей в руки.

– Меня Саша зовут. – негромко сказала она.

– Меня Илья. – все с тем же выражением лица, сказал молодой человек.

Тут Саша поняла – это была не улыбка. Ее собеседник просто имел такое выражение лица. Это просто было лицо доброго человека. Видимо Саша так давно не встречалась с подобными людьми, что не сразу поняла это.

– Хорошее имя. – она сказала, то что первое пришло ей на ум. Если так можно сказать. И тут она почувствовала себя еще более растерянной и может даже немного глупой. Саша почувствовала, как начала краснеть. Но ее спаситель, вновь пришел на помощь.

– А вот тут вы говорите неправду. Самое обычное имя, что не скажешь о вашем. Александра, звучит прекрасно.

Саша взяла пакеты в свои руки.

– Впредь прошу быть вас аккуратней, когда переходите дорогу и тем более в такую погоду. И срочно обработайте рану, срочно. Обещаете? – с этими словами, он не разворачиваясь, стал не спеша удаляться.

– Обещаю. Непременно. – Саше вдруг показалось, что она не хочет ним расставаться.

Илья уходил. Медленно, но уходил. В Сашиной голове мелькали мысли: «Это ведь всего лишь человек, который помог донести пусть и не тяжелые сумки. Ну, симпатичный. Ну, голос приятный, мало ли таких?» И какой-то внутренний голос отвечал: «Мало». Пока эти мысли, как рой насекомых искали себе пристанище в Сашиной голове, Илья исчез в арке, ведущий из двора.

Она еще несколько минут стояла без движения, вглядываясь в темный свод арки. Дождь кончился.

Саша поднималась по лестнице со скоростью стареющей черепахи. Точнее нет, не стареющей, а уже давно состарившейся. Какой-то большой невидимый магнит, тянул ее обратно на улицу. Через несколько минут она сидела в кресле и пила горячий чай. Нет не то, что бы было холодно или она боялась простудиться. Просто, почему-то захотелось сидя в кресле, выпить кружку горячего чая. Правая нога была вытянута, а на коленке сияло зеленое пятно. Йода в аптечке не оказалось.

Листья деревьев за окном, сверкали мокрым блеском, впитывая в себя, лучи появившегося солнца. Затянувшееся наводнение подошло к завершению. Шум проезжавших автомобилей, время от времени сменялся журчанием ручьев, аккуратно протекавших вдоль тротуаров. «Вот оно отсутствие понимания того, что происходит вокруг» – поймала себя на мысли Саша. «А я всегда думала, что это такое?» Она откинула голову на спинку кресла. Коленка немного горела.

Ближе к вечеру приехала мама. Она долго рассказывала про то, как встретила многих своих подруг, которых давно не видела. Про то, что они рассказывали ей, про их детей и про их детей, и еще про многое-многое другое. Но Саша ее не слышала. В голове, отталкиваясь от одного полушария к другому, как мячик, блуждало лишь одно слово, и оно было собственным – Илья. Вечером очень долго не удавалось уснуть. В памяти всплывали фрагменты прошедшего дня. Дождь, лужи. Ее падение, окровавленные коленки, боль, а как апофеоз – широко раскрытые карие глаза, как свет в конце тоннеля. Спустя пару часов воспоминаний и борьбы с собой, все-таки удалось уснуть.

На следующий день, с трудом дождавшись его окончания, Саша побежала домой. Подруги хотели еще зайти в кафешку, немного посидеть, посплетничать, так как выходные, как известно не удались. «Ну кому не удались, а кому и наоборот» – думала Саша, когда вежливо отказывалась от посиделки. По пути домой, она заходила в разные магазины, находившиеся по близости, усердно делая вид, что что-то необходимо купить и все время оглядывалась по сторонам, как будто кого-то искала. Закончив свою небольшую прогулку, Саша направилась по направлению к дому. Подойдя к подъезду, она посмотрела на часы. Времени было не так много. Так что она решила еще чуть-чуть посидеть на лавочке в сквере, около подъезда. Мало ли, может еще повезет. Мимо проходили люди. Мамы с колясками, пожилые пары, местная детвора и многие другие. Становилось немного прохладно и в связи с этим, было принято решение все-таки пойти домой. Саша вновь подошла к подъезду, в последний раз окинула своим взором двор, а затем нажимая код на домофоне, тяжело вздохнула.

Вторник мало отличался от первого рабочего дня. Время тянулось издевательски долго. Работа не клеилась, голова не соображала, все вокруг раздражало – одним словом все было не так. Подружки вокруг хихикали, о чём-то шептались и уже начинали строить планы на следующие выходные. Раньше бы и Саша участвовала в этом обсуждении, но сейчас всё было по-другому. У нее на выходные были совершенно другие планы. Совершенно другие.

Вечер опять закончился посиделками на лавочке. Но он так и не появился. Да и почему он должен был это сделать. С какой стати? Вечером мама стала делать ей замечания о том, что Саша стала какая-то подозрительная и молчаливая. Начинала делать предположения, что у нее что-то стряслось на работе. Саша коротко отнекивалась, а мама в свою очередь говорила, что это именно так, просто она не хотела ей говорить.

Следующие дни, включая пятницу, мало чем отличались от всей недели в целом. Похожие на вечность рабочие дни, вечерние посиделки на лавочке, бессонные ночи. Широкие карие глаза и тёплая улыбка преследовали ее по всюду.

Утром в субботу, после очередной бессонной ночи, Саша встала не очень рано. Мама уже уехала на дачу. Так что было тихо и спокойно. Некоторое время Саша без дела шаталась по квартире, потом все-таки немного позавтракала и пошла в душ. Пока она принимала ванну, кто-то очень настойчиво звонил на домашний телефон. «Наверняка Наташка» – подумала Саша, – «Все же решили меня добить, сказала же, что у меня свои планы, нет будут все равно названивать». После нескольких минут непрерывного звонка, телефон замолчал. «Ну и славненько, ну и славненько».

На улице стояла отличная погода. На небе не было ни облачка. Легкий ветерок, который крайне необходим в такую погоду и солнце, большое белое солнце. Первым делом Саша пошла по магазинам, потому как холодильник дома был действительно пуст, затем отнесла продукты домой, а уж после приступила к ставшей уже традицией прогулке, по окрестным местам в поисках того самого, как бы это смешно или может быть странно не выглядело. Посидев сперва немного во дворе, она отправилась к уже известному перекрестку, где неделю назад и произошла их встреча. Толпы людей, то и дело сновали с одной стороны улицы на другую, не взирая на достаточно плотное для субботы движение. Постоянно то там, то тут раздавались звуки автомобильных клаксонов, но и это никого не могло остановить. «Давно бы уже светофор поставили» – размышляла Саша, – «А то ведь так и будут постоянно кого-нибудь сшибать». Действительно на этом перекрестке постоянно случались какие-нибудь происшествия. То кого-нибудь собьют, то случится авария. «А с другой стороны, если бы здесь был светофор, то не произошло бы той самой встречи». Той самой встречи, которую она ждала, и может быть очень долго. А еще с одной стороны ей казалось, что может она слишком много внимания уделяет тому, что произошло. В жизни ведь бывает много случайных встреч? Это ведь не значит, что в каждой из них нужно искать что-то судьбоносное? «Конечно не значит» – сама себе отвечала Саша. Но хотелось, хотелось ждать. Тем более все указывало именно на это. Хотя может это была и просто надуманность.

Саша не могла похвастаться большим вниманием к своей особе со стороны сильного пола. Ее нельзя было назвать красавицей, но и к дурнушкам она так же относилась. Обычная девушка, каких ходила по улицам города огромное количество. Нет, у нее было конечно большое количество достоинств. Достаточно скромна, в меру тиха. Обладала вкусом к одежде, преуспевала на работе, неплохо закончила институт. В общем все очень даже достойно. Она стояла на одной стороне улицы, не собираясь переходить на другую. Люди, которые постоянно перебежали проезжую часть, то и дело задевали ее сумками, кто-то даже бранился. И возможно даже на нее. А она все ждала.

Ближе к вечеру Саша стояла около подъезда своего дома. Ветер немного растрепал прическу, звук духов улетучился, солнце скрылось, а день опять прожит в пустую. Во всяком случае она думала именно так. Мама дома не оказалось, видимо решила остаться до воскресенья. Часов в десять снова зазвонил телефон. Саша снова решила не брать трубку. «Не хочу, просто не хочу» – подумала она. Телефон зазвонил снова. Может быть мама? Она сняла трубку.

– Алло.

– Сашенька, алло! – это была мама.

– Мама что-то стряслось?

– Нет. Звоню просто так, хочу узнать как дела у моей доченьки. – мамин голос был весьма бодр.

– У твоей доченьки все в порядке. Как ты понимаешь, я уже дома. Так что можешь не волноваться.

– Уже погуляли?

– Я не гуляла. У меня были дела.

– Какие дела дорогая? Выходные же?

– Мама! Обычные дела. Или что в выходные запрещено заниматься делами?

– Нет конечно. Ты какая-то раздражительная. Ложись спать пораньше. Тебе надо выспаться. Наверное усталость накопилась. Ну все целую.

На том конце провода раздались короткие гудки. Ночь опять прошла в борьбе с бессонницей. На следующий день Саша проснулась достаточно поздно. Она долго не могла подняться с кровати. Голова была тяжелая, чувствовала себя как разбитое корыто. За окном было серое небо, но по-прежнему тепло. С трудом заставив себя позавтракать и принять душ, Саша решила сначала приготовить что-нибудь на ужин, точнее к маминому приезду, а уж после приступить к своему ставшему уже привычкой «ритуалу». Естественно дома не оказалось ни картошки ни лука. «Как я могла об этом забыть? Ведь только вчера облазила все магазины, а самое нужно не купила». Идти в магазин естественно не хотелось, но мысль о том, что вечером приедет мама, заставила ее накинуть на себя спортивный костюм, заколоть волосы первой попавшейся под руку заколкой, и быстренько побежать в магазин. На улице было душно. Небо принимало свинцовый оттенок, а ветер крутил по земле ожившую после недельной засухи пыль.

Купив небольшое количество картошки, и столько же лука, Саша направилась обратно. Зайдя в подъезд, она поднялась на пару этажей и решила сделать привал, что бы достать ключи из кармана, так как руки были заняты. Пока рука шарилась в кармане костюма, глаза невольно посмотрели в окно, выходящее во двор. В арке, ведущей из двора на улицу, стоял он. Хоть, человек стоял в пол-оборота, и полностью лицо разглядеть было достаточно сложно, но это был он.

В висках застучало эхо сердечного волнения. Что делать? Куда в таком виде? Ну нужно же было именно сейчас, именно сегодня? А? Саша сжала в руках связку ключей. «Так, нужно домой, накинуть что-нибудь приличное и бегом во двор» – выстраивала стратегию Саша.

Тем временем Илья развернулся и пошел в сторону двора. Через несколько шагов он снова остановился и опять развернулся лицом к арке. Саша в свою очередь ломанулась к квартире. Трясущимися руками она с трудом открыла входную дверь, пакет с картошкой попыталась максимально быстро и максимально аккуратно поставить в угол, но тщетно. Он все равно упал на бок и картошка на пару с луком рассыпались по прихожей. Но нельзя было терять не минуты. Было решено остаться в костюме. Единственное, Саша передела свои уже бывалые кроссовки на более новые, которые были куплены в прошлом месяце. Заколка осталась так же на голове. Последним штрихом являлись немного подведенные помадой губы и несколько капель духов.

Дверь захлопнулась и Саша перескакивая через несколько ступенек сразу, полетела вниз. Еще несколько секунд было потрачено на поиски кнопки, что бы открыть дверь из подъезда. Но и это было преодолено. В итоге дверь распахнулась и Саша оказалась во дворе. В арке Ильи уже не было. Стоять на месте было нельзя. Она шла по двору, пытаясь отыскать взглядом, куда он снова мог подеваться. Ильи нигде не было. Саша дошла до арки, даже вышла из нее на улицу. Никого не было. Спустя минуту, она развернулась и пошла обратно. Проходя по двору, мимо детской площадки, за зарослями шиповника, она увидела мужчину, бережно сажающего маленькую девочку на качели. Это был он. Саша остановилась. Илья посадил ребенка на сиденье и стал не спеша раскачивать. Саша стояла, как вкопанная. Сколько это

продолжалось сказать сложно, но в итоге Илья сам заметил её. Он снял девочку с качелей и направился навстречу к ней. Саша не могла сдвинуться с места.

– Здравствуйте. – сказал Илья.

Саша кивнула головой.

– А мы вот решили немножко на качелях покачаться, пока наша мама в магазин ходит.

Мама. Мама – это слово, как гром среди ясного неба. Рядом с Ильей стояла его точная копия – темноволосая девчушка с ямочками на щеках. Она крепко держала своего папу за руку. Девочка посмотрела на него и спросила:

– Папа, а кто это тётя?

– Это хорошая тётя. Хорошая.

– А как её зовут? – не унималась девчушка.

Илья поднял на Сашу растерянный взгляд. Было понятно, имени он ее не помнит.

Спустя мгновение, Саша лежала на своей кровати лицом к стене...

За окном подул тяжелый ветер, шторы раздулись, как паруса корабля-призрака...

Через несколько секунд прогремел гром и пошел дождь...

Круг замкнулся...

Запах рельс

Когда я был маленьким, мне было невдомек откуда рождается этот удивительный звук. Я имею ввиду, звук, а точнее сказать стук, несущихся по рельсам, поперек шпал, колес. Что удивительно, он практически всегда был разным, в зависимости от поезда. У скорого один – сухой, трескучий, у электрички тоже суховатый, но не такой, как у скорого, товарный же стоял вовсе особняком – стук его колес был тяжелым, надрывным и заторможенным. Мы жили в старом, четырехэтажном доме, как сейчас принято говорить в «промзоне», недалеко от железнодорожных путей. Стало быть, стук колес был неотъемлемой частью моей жизни. Многие говорили, что это невыносимо, и что жить так невозможно. Что же касается нашей семьи, подобное было вполне приемлемо. Родители, за долгие годы уже привыкли и не замечали звук проезжающих поездов, сестра, выйдя замуж покинула отчий дом, так что ей было все равно, а я, я получал от этого звука удовольствие. Это был звук дома, уюта, и как ни странно, спокойствия.

От железнодорожных путей, как будто откуда-то издалека, вдоль дворовых, покрытых неровным асфальтом, давным-давно принявшим цвет окаменевшей земли, дорожек, подгоняемый ветром, летел волшебный запах. Это был запах детства, запах дома и чего-то такого, что несомненно никогда не сможет закончиться. Только спустя много лет я узнал, что это был запах креозота, а когда я был маленьким, а затем и чуть постарше, то, что прилетало даже с самым незначительным дуновением ветра, лично для меня носило название «запах рельс». Я понимал, что рельсы, скорее всего, сделаны из металла и скорее всего из стали, и пахнуть они, так же скорее всего, не могут. Но, несмотря на все это, словосочетание «запах рельс» мне нравилось гораздо больше, нежели «запах шпал». Этот запах был везде. Стоило только приблизиться к небольшому, но с весьма густой растительностью, скверу, за которым в полсотни метров стоял наш дом, «запах рельс» становился настолько ощутимым, что ни у кого не возникало сомнений в том, что где-то рядом проходят железнодорожные пути. Наверняка многие из тех, кто по той или иной причине оказывался рядом с нашим домом, например, приезжали в гости, качали головой, где-то внутри размышляя о том, что никогда бы не смогли жить в подобном месте. Естественно, никто и никогда не говорил это вслух, но подобные вещи легко читались на их лицах. Для нас же жизнь шла своим чередом.

* * *

Раздался резкий гудок, словно эхо отозвавшийся в темном птичьем облаке, поднявшимся над густыми шапками понурых тополей. Пронзительный гудок повторился, и хмурые выцветшие вагоны, словно гигантская усталая змея, поползли вперед, оставляя позади безлюдный перрон. Сквозь грязное окно вагона, на фоне бледного бетонного забора, тщательно исписанного различными точками зрения касательно существования человечества, а так же его перспектив, виднелись полузахороненные, потерявшие форму, и от тяжести, имеющего власть над всем времени, шпалы, которые в свою очередь, из последних сил выдерживали натиск бесконечных замерших составов, уже не способных передвигаться.

Я сидел на упругом боковом кресле обшарпанного плацкартного вагона, прислонившись щекой к грязному окну. Справа от меня суетилась семья, раскладывая свои многочисленные пожитки по специально отведенным для этого местам. Упитанная женщина в цветастом платье, постоянно приоткрывая то одну сумку, то другую, как будто никак не могла решить, которая из них, вероятно, понадобится раньше, чем остальные. Не сложно было догадаться, что раньше всего потребуется сумка с едой. Судя по всему, именно ее она и не могла найти. Женщина заставляла мужа, доставать с верхних полок тюки, которые он уже успел убрать, чтобы все-таки обнаружить искомое. Высокий мужчина, с лицом запуганной собаки и свисающими

с двух сторон скулами, покорно выполнял все ее указания. Вокруг родителей, словно заведенные, бегали двое детей. Пухленькая, как мама дочка и совсем не похожий на отца мальчик. Девочка была немного постарше своего брата, в коротком, но достаточно пышном розовом платье, как будто только что вернувшаяся с детского утренника. Мальчишке же было на вид не больше пяти-шести лет. Маленького роста, коренастый, с круглой, словно мяч и практически лысой головой, он постоянно перепрыгивал с одной нижней полки на другую, параллельно успевая дернуть свою старшую сестру либо за подол платья, либо за одну из жиденьких косичек, аккуратно заплетенных у нее на голове. После каждой его попытки, девочка резко отмахивалась рукой, хваталась за маму, ища убежище за ее могучей спиной. Как уже было сказано, мама и впрямь была способна выполнить роль непреступной преграды. Спустя несколько минут они все-таки, уgomонились, так как брата и сестру посадили около окна, но на разные полки.

Поезд медленно, на тихом ходу плелся вдоль мрачных серых построек, предназначение которых, было сложно себе представить. Я смотрел в окно, прислонившись щекой к холодному грязному стеклу. Стоящие на путях старые, словно заброшенные, вагоны, казалось, не замерли на месте, а плыли куда-то вдаль, постепенно исчезая из вида. Упитанная женщина, усевшись на край нижней полки, все еще продолжала причитать, периодически с укором поглядывая на своего мужа, который, как и его отпрыски, устремил свой тяжелый взгляд сквозь потускневшее окно, и скорее всего, ее не слышал.

Стук колес надрывно отчеканивал медленный, казавшийся ровным, с небольшой оттяжкой, как в музыке, и все-таки постепенно ускоряющийся ритм. Стоящие на соседних путях серые вагоны, те самые, которые казалось не стояли на месте, а уплывали куда-то вдаль, вместе с ритмом ускоряли движение. После длинных загадочных серых зданий, потянувшись вереница замысловатых, разной формы и цветов, гаражей. Низкие, можно даже сказать приплюснутые, высокие, а где-то и вовсе двухэтажные, с угрюмого вида ржавыми воротами и висящими на них чугунными замками. Что ж, удел времени. В глаза всегда бросается то, что плохо лежит. Это многое объясняет. С каждой секундой гаражи, как и те серые здания, все быстрее и быстрее уносились вдаль. А круглолицый мальчуган, несмотря на то, что перестал донимать свою сестру, никак не успокаивался. С неподдельным любопытством в глазах, он прильнул к такому же грязному стеклу, плавными движениями головы, провожая проплывающие мимо вагоны. Упитанная женщина, с уверенным видом главы семейства, в итоге отыскав заветную сумку, постепенно выкладывала на узкий столик разную провизию, чтобы через несколько минут заполнить вагон характерным запахом вареных яиц.

Вслед за гаражами появился изуродованный бульдозерами пустырь. Неровный, с разбросанным по всему периметру мусором, он сквозь мелькающие мимо окна голые деревья, веял холодом, пустотой. А поезд все набирал ход. Лоб от долгого слияние со стеклом стал совсем ледяным. Резко оборвавшийся пустырь, в прямом смысле слова превратившийся в обрыв, понес поезд высоко-высоко над землей, меж могучих металлических оков, оставив внизу широкую пелену черной воды, как те вагоны, уходящие куда-то вдаль. Движение.

Еще совсем недавно, каких-нибудь три-четыре часа назад мои мысли были совершенно иными. Настрой решителен, взгляд и мысли непривычно уверенными. Резким движением хлопнув входной дверью, и бросив ключ в облезлый почтовый ящик, я выбежал из темного холодного подъезда, словно птенец, который с большим-большим опозданием покинул родное гнездо. Четко осознавая, что тупик, в котором я оказался сам собой не раствориться, я, наконец, первый раз в жизни решил принять хоть какое-то действие, способное, по-моему мнению, изменить мою жизнь. Несмотря на яркое весеннее солнце, временами вспыхивающее между стремительно бегущими по небу величественными облаками, на улице было прохладно. Да и не мудрено, все-таки середина марта – снег вокруг растаял совсем недавно – стояла сухая и ветреная погода.

Я шел по улице в расстегнутом пальто, полы которого небрежно, резкими, хаотичными движениями развивались на ветру. Не знаю почему, но мне казалось, что расстегнутое настезь пальто, непременно должно добавлять уверенности. Я солгу, если скажу, что мне не было абсолютно холодно, но даже в этой, пусть и миниатюрной борьбе с самим собой, теперь я видел то, что, несомненно, придавало мне сил. Все начинается с малого. В голове, четко соблюдая принципы движения одного всем известного физика, мелькали мысли, воспоминания, какие-то не знакомые до сели процессы. Я тщетно пытался зацепиться хотя бы за одну из них. Мне непременно казалось, что любое, даже самое безрассудное действие, как не крути, все же должно быть сопряжено хотя бы с каким-нибудь мысленным процессом. В этот момент я всем нутром, всем своим сознанием приветствовал безрассудство, которое, как мне казалось, поглотило меня с головой, но вот так сразу отключить голову я не мог. Чувство страха, неопределенности, точнее нет, чувство неполной определенности не давало вздохнуть полной грудью. Но мысль о том, что для меня это уже «что-то», маячила на горизонте, словно клочок долгожданной земли после затянувшегося плавания. В беспросветно дрейфующую льдину северных морей, вот во что превратилась моя жизнь – в обреченное бессмысленное скитание, без надежды растаять.

Я уже практически год, как жил один. Сначала не стало мамы, а спустя несколько месяцев и отца. Как показывает жизнь (не помню, где я это услышал), мужская часть населения планеты в подобных случаях гораздо менее стойкая, чем их визави. Вот и у нас получилось ровным счетом так же. Признаться, на протяжении всей жизни отец никогда не проявлял особых чувств по отношению к матери. По крайней мере, я этого не замечал. Только сейчас я начал понимать, что, скорее всего, это было связано с его характером. Отца никогда нельзя было назвать открытым. По большей части молчаливый, без резких движений, не вспыльчивый, одним словом человек, мало проявляющий интерес к окружающим, но и не требующий ничего взамен. К сожалению, жизнь так устроена, что о многих вещах мы можем судить лишь, как сторонний наблюдатель. Так было и у меня. Глядя на маму, независимо от происходящего в семье, я был уверен, что и она, в свою очередь уверена в том, что дело лишь в характере отца. А так, он естественно любит ее, как и прежде. Опираясь исключительно на свой затянувшийся юношеский максимализм, подкрепленный отсутствием какого-либо жизненного опыта, а так же приправленный теми непростыми отношениями, которые я волей неволей наблюдал в период становления семьи своей сестры, во мне присутствовала четкая уверенность, что мама, безусловно, заблуждается. Все рано или поздно должно заканчиваться, обрываться, приходить к своему логическому завершению. Как я уже говорил, в тот период своей жизни, я никак не мог понять, ощутить и тем более признать, существование бесконечности.

Лишь спустя некоторое время после того, как мы лишились опоры в виде мамы, я впервые в жизни увидел отца таким, каким не видел никогда в жизни. Взрослый, проживший нелегкую, пусть не особо разнообразную жизнь, человек выглядел абсолютно растерянным. Спина сгорбилась, лицо похудело, осунулось. Длинные, когда-то очень крепкие руки, висели словно две плетки. Лишь широкие, шершавые ладони, напоминали о минувшем. Обычно в таких случаях горят, что человек сдал. Теперь у меня была возможность наблюдать это воочию. За считанные дни отец изменился не то, чтобы до неузнаваемости, но абсолютно кардинально. Тяжелые выпирающие веки грузно нависали над впалыми потухшими глазами. Мне казалось, что отец даже изменился в размерах – плечи стали уже, ноги короче, лишь только спина, все больше и больше напоминающая коромысло, в самой верхней своей точке переходила в тонкую шею, на которой возвышалась большая голова. Могло показаться, что лишь она оставалась неизменной, и как было сказано, две свисающие плетки.

Совсем еще недавно, я и представить себе не мог с чем мне придется столкнуться. Тихие, размеренные и при этом совершенно однообразные дни, преследующие меня на протяжении

всей жизни, по сути остались неизменны. Разница была лишь в том, что ощущение их непоколебимости, в сочетании с многократно возросшим бессмыслием всего происходящего, завешивали разум мутной пеленой бессилия. Я не мог ничем помочь, я не мог ничего исправить. Человек, имеющий сложный, я бы даже сказал тяжелый характер, в обычной-то жизни далеко не всегда идет в ногу с окружающими, а уж если он подвергается ударам судьбы, надежда хоть на что-то, рассыпается словно песочный дом – не спеша, последовательно и навсегда. Мне оставалось только наблюдать – сидя в густой чаще леса, на тонком трухлявом бревне, как затухает последняя искра, когда-то считающая себя огнем. Подбросить в пепелище было нечего, а встать, и примкнувши ближе лицом, попытаться раздуть из искры хоть какое-то пламя, не было сил, а может желания. Вероятно, это всего лишь оправдания, но положила руку на сердце, с уверенностью могу сказать, что я просто не знал, как это сделать. Может не хватало рассудка, а может дело в том самом течении, которое несло меня с тех пор, как я впервые увидел свет. Сестра жила обособлено, время от времени напоминая о себе. Безусловно, это было естественно. С виду вполне обычная, вполне сносная жизнь ее семьи, хранила в себе вполне естественные подводные камни, а где-то и вполне осязаемые. В полном безветрии пламени разгореться не суждено. Повторюсь, я не знал, как это сделать, а не всегда объяснимые силы природы, не желали меня обгонять, предпочитая все-таки право выбора оставить за мной. Только спустя какое-то время я понял, что выбора-то на самом деле никакого и не было. По крайней мере для меня. Все было предопределено. Увы, в жизни часто бывает так, что человек вынужден мириться с ролью наблюдателя, пусть даже и не всегда осознавая это. И не всегда сказанное определяется, как оправдание.

Итог всему был один – заранее подготовленное место, вскоре перестало пустовать. Огонь затух.

* * *

Уверенность в том, что мой внешний вид абсолютно точно излучает несокрушимую решительность присутствовала, так же, как и желание все-таки поплотнее застегнуть пальто. Ложка дегтя в бочке меда. Причем если ложка была вполне реальная, то бочку легко можно было сравнивать с миражом. Все тело под рубашкой покрылось мурашками, дыхание сбивалось от резких порывов ветра. «Сейчас или никогда» – говорил я себе, судорожно шевеля замерзшими губами. И опять где-то в подсознании ощущал, что уж чего-чего, а уверенности в моих мыслях не было ни на йоту. Но тем не менее ноги несли меня вперед, гонимые мыслями, по нелепой закономерности ведущие борьбу с самими собой. Пройдя вдоль серых, обшарпанных, потасканных от времени домов, я резко свернул в сторону, чтобы спустившись по отвесному, поросшему болезненного вида травой оврагу, спуститься к железнодорожным путям. Ветер на мгновение стих и в нос ударил резкий, являющийся частью моей жизни запах рельс. Сам того не осознавая, не оглядываясь по сторонам, я на одном дыхании миновал несколько стальных полотен, уперся ногой в широкий выступ серого бетонного забора и выскокил на узкий перрон, чем-то всегда мне напоминавший заброшенную взлетную полосу.

Пальто по-прежнему развивалось в разные стороны. Но, тем не менее, кровь в груди потеплела, постепенно передавая свою энергию в остальные части тела. Не останавливаясь, я широким шагом пересек пустой перрон, чтобы в его конце упереться в обшарпанную кабинку билетных касс. Из-за тусклого, отмеченного разводами неизвестного происхождения стеклышка, на меня посмотрели два печальных, с оттянутыми нижними веками глаза.

– Мне... – неуверенно пробурчал я.

Глаза вопросительно напряглись.

– Мне бы билет.

Печальное лицо небрежно приоткрыло задвижку окошка и замерло в ожидании.

– Билет... – пробурчал я, параллельно пытаюсь поймать ритм своего дыхания.

Печальное лицо, чуть шире приоткрыв задвижку, оголило два земельного цвета пальца и снова замерло в ожидании.

– Куда-нибудь подальше. Точнее, как можно дальше.

Два грузных глаза бросили осудительный взгляд, а через минуту, все те же земляные пальцы протянули в узкую щель клочок бумаги с синим квадратиком внутри.

Судорожно пошарив по брюкам, и ничего там не обнаружив, я переключился на пальто. В одном из внутренних карманов мне удалось нащупать несколько смятых купюр, включая мелочь. Собрав все содержимое в горсть, я высыпал деньги перед двумя тусклыми глазами и взял бумажный отрывок в руки.

– Хватит?

Вдруг подул сильный ветер. Смятые, засаленные купюры, словно замерзшие воробьи, затрепетали, норовя сорваться и исчезнуть, но два неторопливых пальца земляного цвета успели медленно прижать их к небольшому деревянному выступу, выполняющему роль монетницы, чтобы затем утащить в тонкую щель. После этого створка кассы захлопнулась. Крепко сжимая в кулаке клочок желтоватой бумаги, я уверенно зашагал по платформе, подгоняемый в спину леденящим ветром.

* * *

Раздался резкий гудок, словно эхо отозвавшийся в темном птичьем облаке, поднявшимся над густыми шапками понурых тополей. Пронзительный гудок повторился, и хмурые выцветшие вагоны, словно гигантская усталая змея, поползли вперед, оставляя позади безлюдный перрон. Сквозь грязное окно вагона, на фоне бледного бетонного забора, тщательно исписанного различными точками зрения касательно существования человечества, а так же его перспектив, виднелись полузахороненные, потерявшие форму, и от тяжести, имеющего власть над всем времени, шпалы, которые в свою очередь, из последних сил выдерживали натиск бесконечных замерших составов, уже не способных передвигаться.

Я сидел на упругом боковом кресле обшарпанного плацкартного вагона, прислонившись щекой к грязному окну.

* * *

Время утратило свои грани. Стук колес, словно загадочный часовой механизм, чеканил свои никому непонятные интервалы. Взмокший, покрасневший от холодного стекла лоб, будто врос в грязное окно вагона. Уставшие глаза закрылись, напряжение спало, не спеша унося остывающий разум куда-то очень далеко-далеко, туда где когда-то было хорошо. Туда где когда-то просто что-то было.

Острый, угловатый, постоянно меняющий свою форму косяк неуправляемых воробьев, то резко поднимался, то так же молниеносно опускался за полу-облезлые кустарники шиповника и черемухи. Солнечные блики, такие же солнечные зайчики, рожденные путем отражения лучей от начищенных стекол, еще не успевших облупиться четырехэтажек, как своеобразное солнечное сияние, добавляли всему окружающему ни с чем несравнимое чувство праздника и торжествующей весны. Дул теплый апрельский ветер. Весело размахивая тряпичным мешком крепко затянутым толстой капроновой веревкой, я в расстегнутом пальто уверенно вышагивал вдоль тех самых кустарников, лоя прищуренным взглядом все, что меня окружало: набухшие почки, готовые вот-вот разорваться феерверком свежей маслянистой листвы, блестящую дорожную пыль, чем-то напоминающую то, что обычно остается после налета старателей, короткие, а может быть даже и кроткие, только-только увидевшие белый свет побеги

молодой зеленой травы, имеющие возможность появиться на Божий свет лишь там, где им позволило это сделать время и асфальт; теплый, а местами даже кажущийся горячим воздух, насквозь пропитанный запахом того, что наполняло каждый мой день – запахом рельс.

Вдруг земля неожиданно начала уходить из-под ног, словно палуба небольшого суденышка, попавшего в неожиданный шторм. Меня резко закачало, тряпичный мешок практически молниеносно превратился в отцветший гигантский одуванчик, и начав резко подниматься вверх, потянул меня за собой. Ладонь пришлось разжать. Легкое клетчатое пальтишко, подаренное мне на десятилетие, да-да точно, на десятилетие вдруг осыпалось, как пепельное, а затем и вовсе превратилось в сотни маленьких мотыльков, в мгновении ока собравшихся в небольшое, но очень дисциплинированное облако, чтобы подхватив меня, последовать вслед за гигантским мешком-одуванчиком. Куда-то вдаль, куда-то ввысь, абсолютно не имея никакого смысла, подгоняемый потоком упругого теплого ветра, насквозь пропитанного до боли знакомым запахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.